

4. Оценка безопасности пользователей интернет-банкинга Радіотехніка: Всеукр. міжвід. наук.-техн. зб. – Харків, 2020. – с.188–194.
5. О численной оценке уязвимости пользователей интернет-банкинга XXIV Міжнародний молодіжний форум «Радіоелектроніка та молодь у XXI столітті». Зб. матеріалів форуму. Т. 3. – Харків: ХНУРЕ 2019 - с.152-153.

Г. Д. Панков

(ХНУ ім. В.Н. Каразіна), м. Харків

СМЕРТЬ КАК МОДИФИКАЦИЯ ПОРЯДКА В УЧЕНИИ МАРКА АВРЕЛИЯ

Смерть не только отталкивает, но также способна притягивает к себе человеческое сознание и концентрировать мысль вокруг своего значения. Осмысление смерти означает наделение ее определенными смыслами в соотнесенности с разнообразными контекстами. Один из таких контекстов предложен в философии Марка Аврелия, где ключевым звеном осмысления всех регионов жизненного мира, включая человеческую жизнь, утверждается порядок

Смерть не только выглядит отрицанием жизни, несовместимым с ней состоянием. Ее осознание и осмысление происходят при жизни, поэтому смерть присутствует в сознании людей при их жизни – присутствует (то есть, расположена при ее сути) в пространстве мысли. Мысль придает смерти определенную контекстуальность и смысловое значение. Опыт ее смысловой обработки как «первой» природы в культурно значимое явление представлен в учении Марка Аврелия, включившего размышление о танатосе в контекст метафизики порядка. Из данного контекста вытекает соответствующий смысл: смерть как модификация порядка.

Учение Марка Аврелия о порядке осуществлялось в соотнесенности с метафизикой Целого, которая распространялась на учение о человеке

[См.: 2]. Человек причастен к порядку как часть к Целому, он не должен отторгаться от Целого, но, напротив, придерживаться его бытия. Бытие Целого трактуется как бытие-в-гармонии. Обращение к мировой гармонии и соучастие в ней выдвигается универсальным человеческим долгом.

Марк Аврелий настойчиво рекомендует исследовать все пространство жизни, обратив внимание на значение в ней порядка: «Чаще размышляй о связи всех вещей, находящихся в мире, и об их взаимоотношении. Ибо все они как бы переплетены между собою и поэтому в содружестве друг с другом, следуя друг за другом в определенном порядке» [1, с. 310]. Порядок представляется гармоническим единством частей, которое обеспечивается Целым. Целое выдвигается руководящим началом, которое надлежит быть принятым и прочно укорененным в сознании каждого человека. Универсальными принципами упорядочения бытия полагаются непрерывность движения, а также общая согласованность и единство сущности. Таким образом, порядок осмысливается в единстве жизненной статике и динамике.

Порядок рассматривается в виде универсального способа заботы о людях со стороны богов. Он призван предотвратить возможность совершать зло и вносить в жизнь деструктивные элементы, разрушающие установленную в ней гармонию. Эту гармонию составляют противоположные тенденции: «Смерть же и жизнь, слава и бесчестье, страдание и наслаждение, богатство и бедность – все это одинаково выпадает на долю как хорошим людям, так и дурным. Все это не прекрасно и не постыдно, а, следовательно, не благо и не зло», – отмечалось Марком Аврелием в его размышлениях «Наедине с собой» [1, с. 279]. Таким образом, значение смерти выводится из ее привычной оценки в качестве проявления зла и включается в систему контраст-гармонии, представляющую собой позитивный взгляд на природный феномен смерти.

Другим аргументом устранения оценки смерти в качестве зла служит апелляция к универсальному закону смены необходимых для жизни людей

этапов прохождения детства, юности, молодости и старости [1, с. 336]. Последовательный переход человека из одного состояния в другое указывает на обстоятельство изменения как исчезновение одного жизненного процесса и наступление другого, приходящего на смену предыдущему. В таком случае состояние смерти переносится из будущего времени в настоящее и рассматривается в виде перманентных процессов прекращения, приостановления и исчезновения, составляющих необходимое условие обновления, без которого немислима жизнь. «Итак, – заключал Марк Аврелий, – прекращение жизни ни для кого не есть зло, не будучи постыдным, если оно не зависит от нашего выбора и не идет вразрез с требованиями общественности, но оно есть благо, если оно благовременно для Целого, полезно ему и в своем движении с ним согласуется. Поэтому и сподвижник божий тот, кого бог движет по своим путям, а его собственное разумение – к благим целям» [1, с. 361].

Является ли смерть личным благом для каждого человека в отдельности? Марк Аврелий, усматривающий весь порядок, созданный богами, благом, вынужден был признать, что боги просмотрели возможность возрождения достойных людей после их кончины. Приведенная ситуация выглядит несообразностью с законом справедливости, составляющего порядок. Справедливость трактуется этикой как распределение блага в соответствии с личными заслугами людей и предусматривает отстранение от блага человека, не заслужившего его. Спрашивается: почему бы не наделить добродетельных людей благом продолжения жизни после смерти в отличие от порочных людей? Неужели они его не заслуживают? На поставленный вопрос названным философом дается ответ с позиции безусловной веры в справедливость установленного богами порядка. Видимо, что боги намеренно отказались продлить жизнь всем без исключения людям, исходя из безусловности закона жить согласно с природой. Именно он должен восприниматься основополагающим критерием во взгляде на справедливость. Если бы боги посчитали справедливым возрождение людей,

в таком случае они бы предусмотрели данное обстоятельство и установили его порядком в соответствии с природой Целого [См.: 1, с. 358-359].

Изложенная позиция свидетельствует, что Марк Аврелий выражал полное доверие богам в деле осуществления мирового порядка. Поэтому он не допускал критики в адрес деятельности богов по отношению к людям, из-за любви к которым установлен справедливый порядок. Признание безусловности любви богов к людям должно исключить сомнение в их деятельности ради человеческого блага, воплощенного в мировой порядок. Именно так, но не иначе, должно восприниматься место смерти в жизни каждого человека.

«Благой целью», которой призваны руководствоваться люди в их жизненном пути, Марком Аврелием выдвигается интенция жить согласно природе, в системе которой существенное место отводится достижению свободы от страстей и безмятежности духа «в отношении ко всему, происходящему в силу внешней природы» [1, с. 338]. «Безмятежность духа в отношении ко всему» представляется специфической оценкой бытия с отказом гипертрофировать значимость вещного мира для человека. Одновременно безмятежность духа выглядит также оценкой самого человека ценностей жизненного мира, к которым относятся внешнее окружение и собственная самость.

Достижению безмятежности духа и свободы от страстей препятствует привязанность сознания к мирским ценностям. Поэтому для осуществления жизни, согласно даруемого богами блага, от человека требуется порвать с привязанностью к ценностям эмпирического мира. Для этого необходимо прочно осознать их условность, побуждающую признать нецелесообразность обладание объектами, кратковременность которых выглядит очевидным явлением для человека. Очевидность такого явления позволяет установить обстоятельство смерти. Поэтому размышление о смерти должно сопровождаться размышлением о кратковременности обладания человеком объектами внешнего мира. «Чаще размышляй о том, с какой быстротой

проносится и исчезает из виду все сущее и происходящее. Ибо сущность подобна непрерывно текущей реке; действия беспрестанно сменяют друг друга, причины подлежат бесчисленным изменениям. И нет, по-видимому, ничего устойчивого, а рядом с ними безмерная бездна прошедшего и грядущего, в которой все исчезает», – наставлял Марк Аврелий [1, с. 301].

Осознание кратковременности ценностей феноменального бытия должно произвести «перезагрузку» сознания людей в направлении духовной интенции к жизни согласно божественному порядку. Духовное начало соотносится Марком Аврелием с разумностью, которая существенным образом возвышает человека над животными. Разумность противостоит глупости, а к глупцам философ относил людей, укорененных в суету и гордящихся обладанием суетными объектами [1, с. 301]. Разумность предусматривает образ жизни, при котором сознание не разбрасывает собственную энергию на суетные цели потому, что вещи сами по себе пребывают в покое и не касаются души человека, а также они претерпевают изменения [1, с. 288]. В изложенной ситуации разумность и глупость выглядят не заурядными значениями, но экзистенциальными оценочными маркерами, указывающими на два диаметрально противоположные жизненные интенции – жизнь согласии с порядком и жизнь вопреки порядку. В указанном отношении вразумление как нацеленность на «перезагрузку сознания» означает акт экзистенциального трансцендирования в соответствии со стоической философией. В данном контексте смерть следует расценить не столько в онтологическом регистре, сколько в качестве семиотического фактора означивания порядка и конституирования его смысла.

Осознание кратковременности ценностей мира тесно сопряжено с осознанием кратковременности жизни каждого человека. В данном процессе используется темпоральный дискурс, предполагающий антиномию значений времени и вечности. Вечность расположена между жизненным отрезком индивидуального бытия – предшествующего и последующего ему времени. В

системе данного континуума жизнь отдельного человека выглядит мигом, обстоятельство которого наталкивает на следующее размышление: «Подумай о том, в каком состоянии будут твоё тело и душа, когда тебя настигнет смерть, о краткости жизни, о зияющей бездне вечности за тобой и перед тобой, о бессилии всего материального» [с. 359]. *Взгляд на бессилие всего материального* выглядит одной из ключевых идей стоического осмысления бытия сквозь призму значения смерти. Это означает, что ни богатство, ни власть и не слава, в которой большинство людей ищут надёжную опору в жизни, не должны рассматриваться прочными основаниями человеческого бытия из-за их неспособности преодолеть временные рамки своего существования и одновременно обеспечить безусловность жизненного мира индивида.

Что же в такой ситуации может служить опорой в жизни? «Если же все презренно, – дается ответ на поставленный вопрос, – то перейди к последнему: повиновению разуму и богу. Но с почитанием их несовместима досада по поводу того, что смерть лишит нас когда-нибудь всего указанного выше» [1, с. 362-363]. Разум и Бог утверждаются надёжными гарантами мирового порядка, поэтому в них усматривается безусловное основоположение человеческого бытия. Со своей стороны человеку необходимо принять божественный порядок и достойно провести свой краткий век. Ему рекомендуется размышлять над «точным и отвечающим природе вещей взглядом на жизнь» укоренить его в своем сознании [1, с. 347]. Согласно установленному порядку, кратковременная жизнь предоставлена людям, чтобы не только отвергнуть суетные в ней ценности, но также использовать предоставленное время для совершения добродетелей, к которым относится почитание богов и совершение добрых поступков в отношении людей.

Стоит ли презирать смерть? На поставленный вопрос в размышлениях «Наедине с собой» дается не однозначный ответ: в одном – положительный, а в другом – отрицательный. Позиция презрения к смерти

признается в случае преодоления перед нею чувства страха, который будоражит сознание людей. Чтобы научиться презирать смерть, дается совет, следует воскрешать в памяти тех людей, кто ранее жадно цеплялся за жизнь, а при своей кончине превратились в прах и тление, составляющие уродство посмертного человеческого существа [1, с. 295]. Поэтому позиция презрения к смерти продиктована эстетическим соображением – взглядом на обезображенную природу умерших людей. Однако взгляд на смерть в соотнесенности с порядком требует не презирать ее, но быть расположенным к ней как к явлению порядка. Согласно убеждению Марка Аврелия, мудрец не страшится и не презирает смерти, но сосредоточивает внимательный взгляд на предметах и на людей, с которыми ему придется навеки расстаться. Таким образом, размышление о смерти соотносится с размышлением о жизни, объемлющей человека в его интенциях к окружающему миру и самому себе.

Сосредоточивая взгляд на окружающем мире, мудрец, в учении Марка Аврелия, не только не отвергает смерть, но и принимает ее в качестве неизбежного порядка. Взгляд на смерть дифференцируется не с точки зрения характера земной кончины, но с позиции выбора индивидом между долгом поддержания порядка и уклонением от него. Именно индивид представляет образцы достойной или недостойной смерти: достойная смерть в соотнесенности с долгом следования порядку представляется благом, а недостойная – злом. Поэтому оценка смерти в виде зла переносится от самой смерти в сторону девиантного поведения человека, нарушающего божественный порядок и не желающего жить в согласии с Мировым разумом.

Принять смерть означает не пассивное ее ожидание в виде фатума, но активную жизненную позицию в данном вопросе. Императив *momento mori* («помни о смерти») обращает сознание мудреца к жизни в соответствии с порядком. Как отмечает М. Фуко, «упражнение в смерти, мышление смерти – это лишь способ взглянуть на свою жизнь» [3, с. 520]. «Суждение о

настоящем – вот что выносится тут, оценивание прошлого – вот что тут происходит, в этом мышлении смерти, которое как раз и должно быть мыслью не о будущем, но о себе, представлением себя на пороге смерти» [3, с. 520].

Все изложенное выше позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Танатологическое учение Марка Аврелия предлагает извлечь основным уроком обстоятельства смерти взгляд на жизнь как на божественный порядок, в которую «заброшен» человек и который ему необходимо принять в значении легитимности.

2. Смерть следует не отвергать в качестве зла, но принять ее в статусе модификации порядка. В таком случае значение смерти полагается не столько в противостоянии жизни, сколько в корреляции с ней и образовании совместной контраст-гармонии в общем миропорядке.

3. Смерть выглядит индексальным знаком, указывающим на порядок условных ценностей, обусловленных состоянием их изменчивости во времени и исчезновении. Метафизика условности охватывает антропологию, в которой указывается на условность индивидуального бытия. Условность как универсальная модификация бытия ставит перед человеческим сознанием риторический вопрос о смысле жизни в привязанности к вещному миру.

4. Осознание условности мирового бытия должно породить бесстрастность к его ценностям, что рассматривается как служение божественному порядку. В этом служении от мудреца требуется радикальная переориентация сознания в направлении Целого, приоритет которого утверждается над каждой частью мироздания. В приведенной позиции отчетливо выражается холистический дискурс, формирующий холистическую метафизику, антропологию, аксиологию и этику стоиков.

5. Принятие смерти нацеливает сознание мудреца не на пассивное ее ожидание в виде роковой участи, но на активный духовный процесс в реорганизации собственной жизни, нацеленной на холистический порядок

мироздания. Безмятежность духа достигается личностью посредством значительного духовного напряжения, что указывает на праксеологический аспект учения о смерти.

6. Танатология Марка Аврелия не предусматривает противостояния смерти или стремления одержать над ней победу, что отчетливо прослеживается в христианской мысли, ориентирующей людей к достижению вечной жизни и подражанию Христу как к победителю смерти. Стоиками утверждается гармонизирующий тип культуры с центральным значением идеи космического порядка. В таком случае людям предписывается смысл жизни в неукоснительном соблюдении стабильности этого порядка и безмятежном следовании своей конечной судьбе, превзойти которую никто не в состоянии.

7. Практическое значение стоической танатологии состоит в актуализации духовной практики кардинального совершенствования человека, освобождающего его сознание от мирской зависимости и возвышающего над эмпирическими ценностями. В таком случае танатология служит инструментом философии свободы в ее аскетической парадигме. Свобода «от» нацелена на свободу ради утверждения в человеке личностного начала. В данном обстоятельстве просматривается интенция к созданию взгляда на человека в качестве трансцендирующей личности как универсального персоналистического проекта. Указанное обстоятельство позволяет соотнести учение Марка Аврелия о смерти с персоналистической антропологией, традиция которой формировалась еще в античной философской мысли.

Список литературы

1. Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий / сост. В. В. Сапов. – М. : Республика, 1995. – 463 с.

2. Панков Г. Д. Метафизика Целого как холистический дискурс в осмыслении человека Марком Аврелием // Соціально-філософське осмислення сучасних цивілізаційних процесів: Матеріали міжвузівського науково-практичного семінару «Соціально-філософські проблеми сучасної цивілізації», присвяченого 100-річчю від дня народження першого завідувача кафедри філософії ХНДУ Володимира Петровича Шерстюка (Харків, 23 листопада 2018 р.). – Х.: 2019. – С. 108-115.

3. Фуко М. Герменевтика суб'єкта: курс лекцій, прочитаних в Коллеж де Франс в 1881-1882 учебном году / Пер. с фр. А. Г. Погоняйло: СПб.: Наука, 2007. – 677 с.

М.А. Подригало
(ХНАДУ), м. Харків
О.І. Біленко
(НАНГУ), м. Харків

ДО ПИТАННЯ ВИКОРИСТАННЯ ТЕРМІНУ «ОПТИМІЗАЦІЯ» У НАЗВАХ ДИСЕРТАЦІЇ З ТЕХНІЧНИХ НАУК

Досвід багаторічної підготовки науковців та участь у захистах дисертаційних робіт дозволяє авторам висловити свою думку щодо частого використання терміну «оптимізація» у назвах дисертацій з технічних наук.

Гучні заяви авторів наукових праць (особливо початківців) про те, що ними проведена оптимізація того чи іншого об'єкта дослідження викликає або посмішку, або обурення досвідчених членів спеціальних рад. Ця реакція викликана тим, що термін «оптимізація» пов'язують з математичною процедурою визначення оптимуму (максимуму-мінімуму) функції в заданій області її визначення. А автори дослідження, оптимізуючи не об'єкт дослідження як математичну модель, лише створюють гучну рекламу своєї роботи.